

На гриппозно-морозных,
На лыжно-коньковых и квелых,
Спиртуозно-веселых
И так — беспричинно-веселых,
Беззаботно-скользящих,
Смеющихся, плачущих, спящих,
Барабанно-стучащих,
Хрустящих,
Зубами скрипящих,
Тех, кто падает,
Мерзнет,
Взлетает и вьется,
И бьется...
«Огонька не найдется?»
Конечно, найдется. Найдется.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Начинался понедельник. Вдоль дощатого забора
Ветер гнал сухие листья и обрывки разговора,
Ждал тактично и сурово новых драм почтовый ящик,
Ждал подъезд неутомимо звуков звонких и шипящих.
В колокольном ореоле вдоль восходов и закатов
Плыл, задумчив и печален, затуманенный Акатов;
И кивал фонарь, забытый между булочной и школой,
В сизом воздухе холодном головой своей тяжелой.
Начинался неизбежно, неизбывно, по-иному,
Но никто не удивлялся ни предчувствию, ни слову.

ВРАЧБОГ

Время изношенных рук и изогнутых спин...

А. Ряскин

На изношенных сердцах — по рубцу;
И мозоли, и мозги — все не в счет.
Буйну голову сложить молодцу,
А повинную — и меч не сечет.
Пить за здоровье сплошной витамин
Не грешно ли? Да повадки не те;
За изогнутыми спинами — сплин,
За горбатыми — по гроб в хомуте.
Костылями обнуляя итог,
Я сумею перемножить нули.
Исцели меня, великий Врачбог,
Навсегда меня, навек исцели.
Из палаты и в палату — не раз,
Не болит — уже и то благодать.
Дай нам всем... А ведь и всем-то не даст...
Все одно тебе, Врачбог — исполать!

ГОБЕЛЕНОВЫЙ

Гобелен с оленями — дань эстетике,
Кукушонок — пыльному времени,
Облачно и солнечно. Арифметика,
Табурет, тетрадка, газетка с Лениным...

Ничего не меняется, кроме зеркала,
Посмотрел в него — увидел несчастного.
Это надо же — насквозь исковеркало,
И всю жизнь вот так — от общего к частному.

Он негнущийся. Теперь он поленовый,
А когда-то, верно, был гуттаперчевым
И доверчивым... Боже, каким доверчивым!
Вот совсем, как тот олень гобеленовый.

Тишина придет тонуть в этом омуте,
И углы не воспрепятствуют этому;
Кукушонок выглянет — пусто в комнате —
Песню петь свою извечную некому.

НА ХОД НОГИ

Теперь последнюю, давай — «на ход ноги»,
Прощаться больно, но реветь не буду.
Мне на пороге что-нибудь солги...

Я дверь закрою, вымою посуду —
Две стопки, две тарелки, вилки две...
Вот так всегда — на выход, да с вещами.
Сесть, покурить... Соломенной вдове
Не так-то просто жить без обещаний.

И будет ночь, железная кровать,
Все повторится... Простыни в горошек...
И будет снова за окном сиять
Луны начищенный,
Округлый
Медный
Грошик.

НЕ НАСТАЛО ЛИ ВРЕМЯ...

Не настало ли время ступать по-лисьи,
Бежать по-рысьи, скулить по-песьи?
Получив с размаху да в переносье,
За облака бы, да в поднебесье...

Крутороги сирые, но убоги,
Как ни прыгай — крохи, на вздохе — «охи»,
Мхи, овраги, мухи... Да из бумаги
Птахи-страхи. Мечутся. Бедолаги.

Не пора ли... Впрочем, молчим — пророчим,
Захотим — хохочем, получим — точим,
Ущипнем — полощем, зацепим — тащим.
Нищим проще — мелочью, но почаще.

Время-бремя. Только увечья вечны.
Речи громче и плачи. Ярче свечи.
Я прошу... я знаю — мы все конечны,
Только лучше — шепотом по-человечьи.